

**ДИТЯ
АРХАНГЕЛА**

18+

Кристина Дорофеева
Дитя Архангела

«Автор»

2026

Дорофеева К.

Дитя Архангела / К. Дорофеева — «Автор», 2026

«Ты такая красивая, когда злишься», — шепчет он, прижимая меня к двери. И я забываю: он демон, мое сердце думает о другом, а моя мать в плену. Агата хотела обычный день рождения. Вместо этого — магический удар, похищение друга и весть: её мёртвый отец жив и он — архангел. Теперь её тело светится, сердце разрывается между ангелом и демоном, а мать ждёт в лапах Падших. Восемнадцать свечей. Две любви. Одна ложь.

© Дорофеева К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дитя Архангела

Глава

Глава 1. Обретение силы. Агата

Сентябрьская Москва дышала в лицо прохладным, уже колючим ветром. У входа в GIPSY — один из тех клубов, о которых шепчутся в институтских курилках, — толпилась нарядная очередь, и воздух пах смесью духов, осенней сыростью и чужим возбуждением.

— Ты чего так долго? — Лена переминалась с ноги на ногу на остывшем асфальте, кутаясь в короткую шубку, которая явно была рассчитана на более тёплую погоду. Её дыхание вырывалось лёгкими облачками пара.

Я замерла на секунду, любуясь подругой в неверном свете уличных фонарей. Как ей удастся выглядеть на сто из ста с минимумом косметики? Яркие рыжие волосы струились локонами ниже плеч — живое пламя среди серых панелек. Зелёное платье облегло её точеную фигурку, подчёркивая каждое достоинство, а глаза — такого же травянистого оттенка — в институте дали повод для прозвища «Чародейка». Природный дар: просыпаться королевой, даже не притронувшись к тональному крему.

— Мне, в отличие от тебя, надо минимум часа два, чтобы привести себя в божеский вид, — вздохнула я, поправляя тонкую бретельку чёрного платья. На ветру кожа покрылась мурашками.

— Ты всегда прекрасна. Но так и быть, прощаю опоздание в честь великого праздника. — Лена звонко рассмеялась, и смех её разбилась о холодные стены высоток.

У меня день рождения. Восемнадцать. Дата, которую я не люблю, но которая бывает раз в жизни. Лена настаивала на размахе — ресторан, гости, фейерверки, — но мы сошлись на компромиссе: клуб втроём. Я, она и наш однокурсник Макар.

Наряд я выбирала мучительно долго. В итоге — облегающее чёрное платье до середины бедра, на тонких бретелях, босоножки на высоком каблучке и накинутый сверху пиджак, чтобы не околевать у входа. Фигура у меня тоже ничего, но формы не такие выразительные, как у Лены. И сегодня меня это почему-то не беспокоило.

— Идём танцевать, скромняга. — Лена взяла меня за руку, и её пальцы обожгли прохладой. — Сегодня, говорят, в зале какой-то шикарный диджей. Ты видела эту очередь?

Мы вошли. И мир за бортом исчез.

Внутри GIPSY оказался огромным, тёмным и влажным от чужого дыхания. Низкий потолок давил, но одновременно создавал ощущение тайной пещеры, где музыка заменяла свет. Пульсировал бас — такой глубокий, что вибрация отдавалась в рёбрах. Лазеры резали полумрак, выхватывая то чей-то смех, то блеск бокала, то мелькание тел в такт. Запахи: перега-ристая сладость коктейлей, терпкий табак кальяна, женские духи с нотами ванили и — едва уловимо — мужской одеколон, острый и свежий.

Лена уже тащила меня вглубь, лавируя между столиками. Наш оказался в нише у стены — кожаный диван, столик на низких ножках, заставленный тарелками и бутылками. Я мысленно поблагодарила подругу: организатор из меня нулевой.

Макар сидел расслабленно, откинувшись на спинку, но, заметив нас, мгновенно поднялся. Весь в чёрном — облегающая футболка, джинсы, даже кеды. Высокий, широкий в плечах. Кареглазый брюнет. Спорт в его жизни — каждый день, и это было заметно: каждый мускул перекачивался под тканью, когда он делал шаг к нам.

— С днём рождения, красотка, — произнёс парень, приблизившись почти вплотную, и поцеловал в щёку. Его губы были тёплыми, в отличие от всего вокруг.

Я знаю, что нравлюсь ему. Но во мне — ни одной искры. Ноль. Зияющая пустота там, где должно быть «бабочки в животе». В свои восемнадцать я ни с кем не встречалась, только целовалась пару раз — неловко, наспех, и ничего не почувствовала. Мой принц, наверное, задерживается в пробке, — подумала я с иронией.

Кстати, я почти уверена: Лена влюблена в Макара. Рядом с ним она всегда краснеет и начинает крутить прядь волос на пальце — жест, который выдаёт её с головой. Не понимаю, почему он сам этого не видит. Или делает вид.

Лена тем временем уже разливала шампанское по тонким бокалам. Пузырьки поднимались вверх в золотистой жидкости, и от бутылки тянуло лёгкой кислинкой и мёдом.

— За восемнадцать! — провозгласила она, поднимая свой бокал.

— За тебя, — добавил Макар, глядя мне прямо в глаза.

Мы чокнулись. Стекло издало нежный, чистый звон, который потонул в общем гуле клуба. Я сделала глоток — шампанское оказалось тёплым, сладковатым, с сотней маленьких иголочек на языке. Оно мягко обожгло горло и разлилось по телу приятным расслабляющим теплом. На секунду я забыла о холоде за окном, о своих сомнениях — просто улыбнулась и кивнула в ответ.

— А теперь танцевать! — Лена поставила бокал на столик и схватила меня за руку. — Идёшь с нами на танцпол, Макар? — почти на ухо крикнула она, перекрывая грохот очередного трека.

— Нет, посижу тут. Посмотрю на вас. — Он улыбнулся, и в полумраке блеснули белые зубы.

Мы пробились в центр зала. Тела вокруг сжимали нас, создавая живой коридор. Я закрыла глаза, позволив музыке войти внутрь. Глубокий хаус перетекал в мелодичный техно — синтезаторы пели на грани боли и удовольствия. Лена танцевала напротив, запрокинув голову, её рыжие волосы метались как языки пламени. Я двигалась вслед за ритмом, сначала робко, потом смелее.

Рядом крутилась компания парней, одетых с вызывающей небрежностью. Они заигрывали — кто-то протянул руку, кто-то «случайно» коснулся бедра. Мне, наверное, должно льстить. Но я твёрдо знаю: клуб — не лучшее место для знакомства. Здесь все роли играют, а просыпаешься Золушкой без туфельки.

А потом врубили медляк.

Мелодия потекла тягучей, как карамель. Синтезатор стонал, бас ушёл в шёпот. Мы с Леной переглянулись и решили вернуться к столику — устали и хотели пить.

Но почти у самого дивана чья-то рука легла на моё запястье. Аккуратно, но уверенно. Как будто знала, куда положить.

— Потанцуем? — услышала я низкий голос — чуть хрипловатый, с мягкими нотками.

Я обернулась. И мир снова остановился.

Рядом стоял высокий блондин. Длинные волосы — светлее льна, почти белые — падали на плечи, обрамляя лицо с резкими скулами и чуть насмешливым ртом. Глаза — такого ярко-голубого цвета, что я вздрогнула: точно такие же, как у меня. В тусклом свете клуба они светились, как два ледяных осколка.

Белая рубашка расстёгнута на две пуговицы, открывая ложбинку на груди и золотистую от загара кожу. Белые брюки сидели безупречно, будто шиты на заказ. От него пахло не клубом — свежестью, морем, лёгкой древесной горечью. Запах не вязался с духотой и потом вокруг. Казалось, он только что вошёл с бриза.

Моё сердце пропустило удар. Ноги стали ватными — я буквально почувствовала, как каблук вдавливается в пол, а колени дрожат.

Я бросила взгляд на Лену. Та стояла с округлившимися глазами — редкое зрелище — и подмигнула. Одними губами: давай.

Сегодня мой праздник. Почему бы и нет?

Я кивнула.

Как только его пальцы сомкнулись на моём запястье, мир коротнуло. Разряд — от кончиков пальцев до затылка. Волоски на руках встали дыбом. Он повёл меня вглубь танцпола, туда, где медляк уже захватил всех — пары кружились, прижавшись друг к другу.

Сильная рука легла на талию — широкая ладонь, длинные пальцы. Я положила свою руку ему на плечо. Ткань рубашки была прохладной и гладкой, под ней чувствовались твёрдые мышцы.

Мы медленно двигались. Его грудь почти касалась моей. Я ощущала тепло, исходившее от него — как от печки в зимнем доме. Запах моря и древесины окружил меня, заглушив всё: и пот, и дешёвые духи, и перегары.

Мне показалось, что в зале не осталось никого. Только я, он и эта тягучая мелодия, которая растекалась по венам вместо крови.

Я даже имени его не знала. Он не спрашивал моё.

Но рядом с ним было так естественно, будто мы уже сто раз танцевали прежде. Будто я знала, куда он повернёт, как дышит. Моё сердце стучало в такт его шагам.

Я хотела, чтобы это длилось вечно.

Как ты паришь.

Знаешь, ты даже не знаешь,

Что ты со мной творишь,

Когда ты вот так вот летаешь...

Песня лилась прямо в душу, и слова казались написанными про нас.

Красавчик наклонился ближе — его лицо оказалось в сантиметре от моего. Дыхание смешалось с моим — тёплое, с лёгкой мятной ноткой. На миг я испугалась, что сейчас поцелует. И поняла, что не буду возражать.

Но его губы скользнули к моему уху. Я почувствовала их лёгкое касание мочки, и по спине пробежала горячая волна. Он прошептал:

— С днём рождения, Агата.

Голос — низкий, почти интимный — ударил где-то в солнечном сплетении.

Тело пронзил холодный ток. Сердце ухнуло вниз.

Откуда он знает моё имя?

Я никогда не видела его раньше. Такое лицо нельзя забыть.

Я резко отдернула руку и отступила на шаг. Толчок получился слишком сильным — я чуть не упала на чью-то пару, танцующую сзади. Но он даже не пошатнулся. Стоял и смотрел на меня — без удивления, без обиды. Грустно.

— Мы знакомы? — выдохнула я. Голос сел, прозвучал хрипло.

Он не ответил. Только улыбнулся — краешками губ, и в этой улыбке была такая тоска, что мне захотелось заплакать.

— Ещё увидимся, — сказал тихо.

Развернулся и пошёл к выходу. Белая рубашка мелькнула в толпе в последний раз — и исчезла.

Меня окутал холод. Не тот, с улицы, а внутренний — будто кто-то выключил внутри обогреватель. Тело ломило, словно после тяжёлой тренировки. Я стояла посреди танцпола, и мимо проплывали пары, кто-то задел плечом, но я не чувствовала ничего, кроме пустоты.

Кто он?

Вопрос стучал в висках.

Я заставила себя вернуться к столику. Лена набросилась сразу:

— Кто это? Как зовут? Где ты его взяла?

— Если бы я знала, — ответила я, беря дрожащими руками первый попавшийся бокал. Макар молчал, но я заметила, как он сжал челюсть. Ревность? Неважно.

Мы стукнулись бокалами, выпили. Коктейль обжог горло, но не согрел.

Остаток вечера я танцевала на автомате, улыбалась, смеялась — но внутри всё кипело. Этот парень в белом не выходил из головы. «Ещё увидимся», — сказал он. Значит, увидимся. И тогда я задам ему все вопросы. Прямо в лицо.

В три часа ночи мы вышли на прохладный сентябрьский воздух. Он обжог лёгкие после духоты клуба, и показался почти сладким. Такси ждало у обочины — жёлтое пятно в сером рассвете, который только начинал разгонять тьму.

Первыми вышли Лена и Макар. Лена чмокнула меня в щёку, Макар молча кивнул. Машина поехала дальше, к моему дому.

Я расплатилась, вышла и застыла. На часах было почти четыре, небо над спальным районом висело низко, лилово-серое, без единой звезды. Высотки стояли мрачные, как великаны-отшельники. Где-то лаяла собака, где-то хлопнула дверь.

Пора домой, — подумала я, но не пошла. Встала у подъезда, вдохнула колючий воздух, и мысли сами потянули в прошлое.

Завтра — восьмая годовщина смерти отца.

Мне было десять, когда мир рухнул. Случайная авария — фура, уснувший водитель, главная дорога, и «Фольксваген» папы, который смяло как консервную банку. Удар — в водительскую дверь. Подушки не сработали. Мы с мамой остались живы чудом — сидели сзади, и нас выбросило в кювет, но отделались ушибами.

Мама потом пила. Месяцами, не просыхая. Потом встретила Артура. Забеременела. Через два года после смерти отца у меня родилась сестра — Кира. Моя единственная радость в те дни, маленький тёплый комочек, который заставил меня улыбаться снова.

Сейчас мама не пьёт. Артур ушёл, но иногда приходит навестить Киру, приносит подарки. Мы живём втроём, и это нормально. Почти.

Хватит, — сказала я себе. — Завтра схожу на кладбище. А сейчас — домой.

И тут — звук. Глухой удар металла о металл. Словно кто-то с размаху припечатал кого-то к железной двери соседнего подъезда.

Я обернулась.

Свет уличного фонаря выхватил две фигуры. Одну — крупную, в тёмной куртке. И другую.

Его.

Блондин в белом. Тот самый парень из клуба.

Он прижимал незнакомца к двери — рука на горле, вторая держит за запястье. Лицо его было спокойным, почти скучающим, будто он делал это каждый день.

Страх прошил меня насквозь. Я не могла пошевелиться. Даже закричать.

А потом случилось то, чего я не смогу объяснить никогда.

Моё тело вспыхнуло.

Белый свет — ярче, чем любой прожектор, — вырвался изнутри, из груди, из ладоней, из каждой клетки. Он был горячим и холодным одновременно. Он пульсировал в такт сердцу. Я видела свои руки — они светились так, что стали полупрозрачными, как китайский фонарик.

Через пару секунд — тишина. Свет погас. Осталась только темнота и звон в ушах.

Парни у соседнего подъезда замерли. Оба смотрели на меня.

Парень в белом — тоже. Но в его взгляде не было удивления. Только что-то вроде: наконец-то.

Я не думала. Просто развернулась, влетела в свой подъезд, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. Сердце колотилось где-то в горле. Дыхание рвалось наружу хриплыми всхлипами.

Что это было?

Лампочка в подъезде мигнула и погасла. Я сидела в темноте на холодном кафеле, прижимая колени к груди.

Свет. Я светилась. Как лампочка. Как... как магия?

Я никогда не верила в магию. Никогда.

Но логического объяснения у меня не было.

Тот парень... он следил за мной? Знал моё имя. Был у моего дома. И, кажется, не удивился моему свечению.

Кто ты? — спросила я в пустоту.

Ответа не было.

Я поднялась. Ноги дрожали. Тихо открыла дверь ключом — в коридоре горел ночник, мама и Кира спали. Я прошмыгнула в свою комнату, не включая свет, упала на кровать поверх одеяла.

За окном серело — медленно, неохотно, как будто и небо боялось нового дня.

Сна не было. Только бесконечные вопросы и этот странный, пугающий восторг где-то под рёбрами.

Я светилась.

Я светилась.

Я закрыла глаза и провалилась в темноту.

Глава 2. Знаки судьбы. Агата

Мне снился сон — хотя в тот момент казалось, что всё происходит наяву.

Я снова оказалась на той самой дороге, где разбился отец. Но всё выглядело иначе. В тот день восемь лет назад было ясно и солнечно, а сейчас лес по обе стороны трассы утопал из неё чёрными когтистыми ветками. Дорога же — странное дело — была ярко освещена в тёмной туманной дымке, густой и зыбкой, как кисель. Деревья торчаещена фонарями. Их жёлтый свет ложился на асфальт маслянистыми лужами, а дальше тонул в непроглядной тьме.

Посреди этого нереального круга света стояла фигура мужчины.

Издалека я не могла разобрать кто это. Сердце колотилось где-то в горле, пока я шла — ноги почти не слушались, будто вязли в смоле. Но чем ближе, тем отчётливее становились черты. И когда я оказалась в двух шагах, воздух вышибло из лёгких.

Папа.

Он стоял и улыбался мне — той самой тёплой, чуть виноватой улыбкой, которую я помнила с детства. Не произносил ни слова, но глаза говорили: *иди сюда*.

Я рванула к нему и обняла. Крепко-крепко, так, что затрещали рёбра. Мне казалось, если разжать руки — он исчезнет. И он обнял в ответ. Его ладони — шершавые, большие, такие родные — легли на мою спину. Пахло от него привычным: древесиной, табаком (он так и не бросил до конца) и чем-то домашним, неуловимым — запахом его куртки, в которую я зарывалась носом в детстве.

— Папа, я так скучала по тебе, — выдохнула я почти шёпотом. Голос дрожал, в горле стоял ком.

— Я тоже, милая. — Его голос был низким и чуть хрипловатым, как будто он долго молчал. — Но так было нужно. Сегодня тебе исполнилось восемнадцать. Ты стала совсем взрослой, моя девочка.

Он прижал меня ещё крепче, вдохнул аромат моих волос. Я зажмурилась, пытаюсь запомнить каждое ощущение: тепло его груди, тяжесть рук, тихий стук сердца — или мне только казалось, что я его слышу?

А потом меня накрыло осознанием.

Острое, холодное, как удар ножом в солнечное сплетение: *это всё не по-настоящему.*

Я отстранилась и посмотрела ему в лицо. Всё те же морщинки у глаз, та же ямочка на подбородке, которую я в детстве называла «папиной впадинкой». Но под красками сна чувствовала пустота.

Он — плод моего воображения. Его нет. Он никогда не вернётся. Ни к нам с мамой, ни ко мне. Не обнимет, не прочтёт нотацию, не приготовит свои дурацкие макароны с сыром по ночам. Не будет больше его наставлений, ужинов, его тихого смеха за просмотром новостей.

Слёзы хлынули сами. Я не сдерживалась — да и зачем? Я рыдала в голос, выплёскивая ту боль и тоску, которые копились восемь лет. Восемь лет без папы. Восемь лет пополам с маминым алкоголем, чужим мужчиной, рождением Киры и тихим отчаянием.

Он словно прочитал мои мысли. Его глаза стали грустными-грустными, и он снова обнял меня — осторожно, как в детстве, когда я разбивала коленку.

— Всё будет хорошо, доченька. — Его губы коснулись моего виска, почти невесомо. — Мы скоро встретимся.

На этом месте сон оборвался.

— Агата! Подъём! Опоздаешь! — мамин голос ворвался в сознание, как пожарная сирена.

Я лежала на спине, глядя в потолок. За окном серело — настоящее утро, а не то, из сна. Телефон показывал половину седьмого. Сердце всё ещё колотилось, щёки были мокрыми от слёз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.